УДК 94(47)
https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/05

Шевченко М.Н.

О ФОРМИРОВАНИИ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ МОСКОВСКОЙ ДИНАСТИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (конец XIV – первая половина XV вв.)

Shevchenko M.N.

ON THE FORMATION OF THE PHENOMENON OF THE POWER OF THE MOSCOW DYNASTY THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL ANTHROPOLOGY (LATE 14TH – FIRST HALF OF THE 15TH CENTURIES)

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы становления идеологии Московского княжества. Целью настоящего исследования является выявление идейных истоков и особенностей формирования идеологии правления московских государей в конце XIV – первой половине XV вв. Для достижения указанной цели, во-первых, привлекается широкий круг источников, который позволит продемонстрировать масштабы изменений теоретических основ и способов репрезентации власти московских князей; во-вторых, в основе исследования использован принцип изучения феномена власти российского направления исторической антропологии. Определены какие идеи, образы, формы и механизмы были использованы для закрепления в сознании современников новых представлений о постоянно расширявшихся властных полномочиях московских князей. В статье делается вывод о том, что созданный великодержавный образ московских правителей заложил идейный фундамент для роста политической мощи Московского княжества.

Ключевые слова: историческая антропология, междисциплинарный подход, идеология власти, московская династия.

Сведения об авторе: Шевченко Максим Николаевич, ORCID: 0000-0002-9752-8332, канд. ист. наук, Религиозная организация - духовная образовательная организация высшего образования «Омская духовная семинария Омской Епархии Русской Православной Церкви», г. Омск, Россия, maxsh1978@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the formation of the ideology of the Moscow principality. The purpose of this study is to identify the ideological origins and features of the formation of the ideology of the rule of the Moscow sovereigns at the end of the XIV – the first half of the XV centuries. To achieve this goal, the historian, firstly, draws on a wide range of sources, which will demonstrate the scale of changes in the theoretical foundations and ways of representing the power of the Moscow princes; secondly, the author took the principles of studying the phenomenon of power formulated by representatives of the Russian direction of historical anthropology as the basis for the research program of this article. Using the advantages of the existing approach, the researcher determined which ideas, images, forms and mechanisms were used to consolidate in the minds of contemporaries new ideas about the constantly expanding powers of power of the Moscow princes. The article concludes that the created great-power image of the Moscow rulers laid the ideological foundation for the growth of the political power of the Moscow principality.

Keywords: historical anthropology, interdisciplinary approach, ideology of power, Moscow dynasty.

About the author: Shevchenko Maksim Nikolaevich, ORCID: 0000-0002-9752-8332, Ph.D., Theological and church-historical disciplines, Religious organization-Spiritual Educational Organization of Higher Education “Omsk Theological Seminary of the Omsk Diocese of the Russian Orthodox Church”, Omsk, Russia, maxsh1978@yandex.ru

Введение. Со второй половины 1980-х в отечественной гуманитаристике наблюдается рост интереса к проблемам формирования идеологии царской власти и развития церковно-государственных отношений в средневековой России. Параллельно возрастал интерес к подходам и методам, практически неиспользуемым ранее в отечественной науке. Новые

исследовательские ракурсы изучения феномена власти предлагались несколькими научными направлениями. Например, представителями московско-тартуской семиотической школы (в первую очередь труды Б.А. Успенского), литературоведческим направлением во главе с выдающимся филологом А.С. Деминым (сборник «Герменевтика древнерусской литературы»), исторической антропологией, формировавшейся вокруг научных взглядов А.Я. Гуревича (прежде всего альманах «Одиссей. Человек в истории»). В настоящей статье использованы подходы и методы, предложенные представителями исторической антропологии. Исследуется проблема генезиса идейных основ власти московских государей в конце XIV – первой половине XV вв.

Известный историк-медиевист, сооснователь журнала «Одиссей. Человек в истории», Ю.Л. Бессмертный в одной из статей, опубликованной в 1995 г., предложил рассматривать феномен власти сквозь призму понятия «социокультурный способ властвования» [5, с. 15]. Строго говоря, Юрий Львович предложил не столько понятие, сколько целую исследовательскую программу. По мнению историка, подход к изучению феномена власти, основывающийся на представлении о «социокультурном способе властвования», должен был включать ряд методических установок. Согласно ученому, в ходе исследования необходимо обращать внимание на «…специфику используемых в данном социуме политических дискурсов; своеобразие представлений о власти и ее функциях, представления о допустимых (и недопустимых) видах властвования, имидж власти (включая представления о мере ее сакральности или иной трансцендентности), надежнее всего обеспечивающий покорность подчиненных; характерные черты символического оформления власти, принятые формы ее самопредъявления… различные культурные топосы, фигурирующие в политической практике. Все это – по мнению автора – может исследоваться в различных ракурсах и масштабах, в том числе с целью характеристики образа власти либо в глазах отдельных индивидов (например, выдающихся мыслителей или же рядовых подданных), либо в групповом сознании (например, сознании членов какой-нибудь «группы давления»), либо в массовом сознании» [5, с. 15].

Ряд ученых по достоинству оценили исследовательскую программу Ю.Л. Бессмертного. Предложенные принципы легли в основу научных трудов Н.А. Хачатурян и организованной ею группы историков-медиевистов «Власть и общество». Под редакцией Нины Александровны вышло значительное количество коллективных монографий [17; 21; 32; 38].

Вокруг М.А. Бойцова, начинавшего публиковаться в журнале «Одиссей. Человек в истории» в 1990-х гг. [9], к середине 2000-х гг. объединилась значительная группа единомышленников. Михаил Анатольевич, продолжая декларировать преемственность по отношению к исследовательскому кредо редакционной коллегии альманаха «Одиссей. Человек в истории» [8, с. 1–2], окончательно перенес акцент своих научных интересов на изучение проблемы генезиса образов власти и форм их публичного самопредъявления. В аннотации к коллективной монографии «Власть и образ: очерки потестарной имагологии»

под редакцией М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского фактически были сформулированы исследовательские установки значительной группы историков-медиевистов. По мнению ученых, приступая к изучению проблемы «образы власти», необходимо обращать внимание на то, «…какие системы образов участвуют в установлении отношений господства и подчинения, в приобретении и удержании власти, в выстраивании связей между различными группами элит, с одной стороны, и между господствующими и подвластными слоями общества, с другой» [12].

Историки считают необходимым выявить механизмы возникновения образов власти, определить их характер, взаимодействие и трансформацию. Согласно мнению ученых, данная тема имеет междисциплинарный статус, так как образы власти «…выражались и распространялись через тексты, ритуалы, праздники, посредством изображений, монументов, архитектурных сооружений, а также в специфической организации городского пространства» [12]. В связи с тем, что для власть предержащих необходима манифестация политических прав и преимуществ, своего социального доминирования, для правящей элиты является насущным создание своего положительного, успешного религиозно-политического образа, к которому подданные будут относится с подобающим уважением и доверием [10, с. 12–16].

Отметим, что часть исследовательских принципов, предложенных Ю.Л. Бессмертным – М.А. Бойцовым, в том или ином виде использовалась в исследованиях советских искусствоведов, отчасти историков древнерусской литературы и историков-византинистов. На страницах академических изданий («Древнерусское искусство», «Труды Отдела древнерусской литературы», «Византийский временник») время от времени появлялись труды, посвященные изучению проблемы «образов власти». Отечественные ученые обращали внимание, что в иконописи, фресках, храмовой и светской архитектуре, памятниках переводной и оригинальной литературы, вошедших в древнерусские летописные сборники и хронографы, придворных церемониалах и т.д. находили отражение представления о пределах и прерогативах княжеской, а затем и царской власти. Тем не менее следует признать, что Ю.Л. Бессмертному и М.А. Бойцову удалось не только обобщить опыт предшественников, но и лаконично сформулировать ключевые принципы исследования феномена власти, его образов, форм и механизмов репрезентации.

Основная часть. Последнюю треть XIV в. исследователи справедливо связывают с подъемом национального самосознания [33; 37]. Вместе с тем это время укрепления позиций московской династии в Северо-Восточной Руси. Данную эпоху можно назвать периодом формирования первых принципов идеологии власти московских князей. Новые религиозно-политические представления нашли отражения в литературе, практике поминовения, саккосе митрополита Фотия, дипломатических отношениях, культовой архитектуре (в том числе архитектуре малых форм), храмовом интерьере, иконописи (в настоящем исследовании мы оставили за скобками материал нумизматики, сфрагистики, геральдики).

При анализе различных типов источников можно выделить как общие, так и уникальные идеи, нашедшие отражение в одном-двух памятниках. Идеи, характерные для большинства рассмотренных нами источников, можно объединить в ряд положений:

– единовластие утверждалось в качестве непререкаемой основы религиозно-политического процветания;

– исключительные права и полномочия московской династии интерпретировались в значении неотъемлемого условия практического осуществления единовластия;

– с единовластием было связано представление о политической независимости русских земель;

– обосновывалась политическая и династическая филиация Московского княжества по отношению к религиозно-политической традиции Киевской и Владимиро-Суздальской Руси;

– доказывалась особая историческая роль московской династии и ее общерусское значение;

– осуществлялась сакрализация власти представителей московской династии, с которой связывались эсхатологические, сотериологические и мессианские ожидания.

К уникальным идеям на данном этапе развития идеологии московской династии можно отнести темы «царской» и «самодержавной» власти, истоки формирования темы «Москва – Новый Иерусалим».

Такие литературные произведения как «Задонщина», «Слово о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя русского», «Повесть о Темир-Аксаке», «Сказание о нашествии Едигея» объединяет интерес к вопросам политической независимости, церковно-религиозных и государственно-политических связей Москвы, Владимира и Киева, противостояния Руси и Орды, в котором формировался облик московских государей, христианских «царей» [13, с. 34–37; 26, с. 351–352; 28, с. 157; 29, с. 124–125].

Тема династической преемственности киевских и московских государей по-разному раскрывалась в литературных произведениях. Например, в «Задонщине» Дмитрий Донской напрямую назван родственником киевского князя Владимира, тогда как в «Слове» и «Повести» московская династия становится правопреемницей киевского и владимиро-суздальского церковно-политического наследия при помощи фигуры московского князя Ивана Даниловича [26, с. 351; 29, с. 124–125].

В литературных памятниках нередко делался акцент на исторической роли равноапостольного князя Владимира. Часто в письменных источниках приводилась пространная характеристика церковно-религиозного и политического значения данной фигуры для древнерусской истории. С именем киевского князя связана мысль о богоустановленной династии Рюриковичей и первое литературное упоминание титула «царь». Благодаря крещению Русь стала частью христианкой/мировой истории.

На положении о преемственности Киева, Владимира и Москвы основано несколько ключевых постулатов идеологии московской династии рассматриваемого периода:

– формулируется преимущественное право на обладание землями Древней Руси;

– утверждается исключительное право Москвы именоваться церковно-религиозным центром православной Руси;

– постулируется правовой статус Владимирского княжества в качестве наследуемой территории;

– закрепляется суверенное право наследования титула великий князь исключительно по «божьей воле» [13, с. 34–37; 26, с. 351–352; 28, с. 155–157; 29, с. 124–125].

В указанной литературе присутствуют сюжеты, характерные для отдельных произведений. Например, в «Слове» появляется тема «Иерусалима». Московское княжество эпохи Дмитрия Донского названо «землей обетованной» [26, с. 353], местом, с которым связан грядущий «золотой век» древнерусского общества и Церкви. В «Повести» тема «Иерусалима» раскрывается полнее. В соответствии с библейским сюжетом о чудесном избавлении Иерусалима молитвами пророка Исайи и царя Иезекииля (4 Цар. 19), Москва (по-видимому, Новый Иерусалим) благодаря заступничеству Богородицы, святителя Петра и молитвам Василия I обрела спасение от разграбления армией Тимура [29, с. 127].

В «Слове» вводится тема «царской» власти и «царства». Итоги эпохи князя Дмитрия Ивановича описываются с употреблением титула «царь», а владения князя, под которыми подразумевается вся русская земля, названы «царством» [26, с. 353, 355, 359, 360, 364, 366]. Однако в «Повести» и «Сказании» на фоне азиатских царей Тохтамыша, Тамерлана и Булата князь Василий Дмитриевич предстает «самодержцем земли Русской» [28, с. 155; 29, с. 124–125]. По мнению авторов «Сказания», независимо от воли ордынских ханов, по родительскому благословению и «божьей воле», за представителями московской династии закрепился титул «великий князь всея Руси» [28, с. 157].

В тексте «Слова» высказана мысль о географической и этнической детерминации титула «царь». Царского титула достойны христианские государи многих народов, если они выполняют определенные функции в отношении Церкви, веры и православного населения. Например, «греческая земля» воздавала честь императору Константину, князю Владимиру равноапостольному «кланялась» Киевская Русь, а князю Дмитрию Донскому воздавали хвалу все народы «Русской земли» [26, с. 366]. Из «Повести» следует, что в понимании книжника данной эпохи «царский» титул могли носить и православные византийские императоры, и ханы азиатских государств. Проанализированные источники не позволяют утверждать, что в конце XIV – начале XV вв. представления русских книжников о «царском» титуле были связаны с образом Христа Пантократора и, как следствие, с особой харизмой «царской» власти. Тем не менее, в перечисленных произведениях с Московским княжеством и московской династией связывалась сакральная объединяющая и преобразующая сила древнерусской истории. По всей видимости, в рассматриваемый период титул «царь» и «самодержец» имели различную коннотацию употребления. В первом случае упор делался на церковно-религиозном значении, с присущим ему эсхатологическими, сотериологическими и мессианскими акцентами, во втором случае подчеркивалось

государственно-политическое значение, с характерным для него особым вниманием к суверенитету и субординации в составе древнерусской аристократии.

Для обоснования церковно-политических притязаний московских государей в древнерусской литературе использовались различные приемы и механизмы. Помимо уже упоминавшейся генеалогической линии, в литературе мог применяться прием «уподобления» князя-современника выдающейся историко-легендарной фигуре (библейским царям, императору Константину, князю Владимиру) по личным заслугам и достоинствам. Среди прочих добродетелей московских «самовластцев» обычно выделялись духовно-нравственная чистота, религиозно-политическая дальновидность, историческая проницательность [26, с. 351–352]. Использовался и прием «смешения жанров». Например, в одном сочинении могли соседствовать фрагменты из письменных памятников юридического характера и хвалебных отзывов. Так, отрывок из Духовной грамоты Дмитрия Ивановича был размещен в рукописи «Слова». Данный эпизод, по мысли книжника, обосновывал законное право московской династии на владение Владимирским княжеством [26, с. 358; 19, с. 34]. Такой прием давал возможность формировать «новую реальность» для достижения соответствующей цели из подходящих легендарных, мифических, исторических сюжетов. «Новая история и современность» становились основой амбициозной московской церковно-государственной политики. Терминология церковного языка («по божьей воле», «в соответствии со святоотеческой традицией» и др.) использовалась для обоснования легитимности нововведений.

Следует отметить, что рубеж XIV–XV вв. связан и с изменениями в древнерусской религиозности, которые были обусловлены приближением времени «последних дней». В данную эпоху менялись взгляды на посмертную участь людей. Образ блаженного восхождения каждой крещеной души в Рай смещался на периферию религиозного сознания. Во главу угла ставились приоритеты «малой» эсхатологии. На первый план выходила дихотомия грешности и праведности. Тема «индивидуальной» посмертной участи, распределения мест пребывания праведных и грешных душ до времени свершения Страшного суда и заупокойно-поминальный культ стали определять содержание эсхатологических представлений [2, с. 45–164]. В этой связи представляет интерес согласие Василия Дмитриевича вернуть отмененный при его отце порядок поминовения византийских императоров на литургии в русских храмах. Однако митрополит Киприан пошел дальше. Первосвященник обновил порядок поминовения монарших особ. Около 1395 г. в русской митрополии был введен «цареградский синодик», где было дано объяснение «…какъ православныхъ Царіи поминати, такоже и Князей Великихъ, и мертвыхъ, и живыхъ...» [1, с. 17]. Данный сюжет заслуживает внимания и может свидетельствовать, во-первых, в пользу желания князя уладить конфликт с константинопольскими властями; во-вторых, о стремлении учредить на подвластной территории порядок поминовения московских князей по византийскому образцу.

Идея сакрализации власти представителей московской династии в контексте меняющейся эсхатологической модели реализована и в «большом» саккосе митрополита Фотия (пошит между 1414–1417 гг. [4, с. 348–349; 30, с. 477]). Как и положено для архиерейского торжественного облачения, на одеждах красочно изображены основные евангельские темы, от Благовещения до Воскресения. В миниатюре «Сошествие во ад» изображены две супружеские пары: князь Василий I с княгиней Софьей и зять московского князя, будущий византийский император, Иоанн VIII Палеолог с княгиней Анной [23, с. 88–89]. В сюжете, по-видимому, подчеркивался династический союз с византийским императорским домом. Расположение княжеских и царских персон связано с экзегетикой Нового Завета. Миниатюра «Сошествие во ад» находится рядом с миниатюрой «Распятие». Согласно восточно-христианскому богословию, сюжеты «Распятие», «Сошествие во ад» и «Воскресение» представляют собой кульминацию земной миссии Христа. Богочеловек осуществил искупление греха и открыл для человечества возможностью спасения, поскольку диавол утратил неограниченную власть [22, с. 172–176].

На наш взгляд, в контексте формирования новой идеологии власти на московскую династию была возложена мессианская идея. Оба рассмотренных факта из церковно-религиозной жизни Руси конца XIV – начале XV в. свидетельствует о новом шаге в направлении сакрализации власти московских князей.

К началу XV в. важные изменения в идеологии власти московских государей нашли отражение и в дипломатических отношениях. В посланиях к московским государям император Иоанн VI и патриарх Исидор в обращении к адресату используют титул «великий король Московский и всея Руси» [31, стб. 14–40]. Например, обращаясь к смоленским князьям, константинопольские власти употребляли более простой титул – «великий король». В истории псковско-ливонских отношений сохранились грамоты (1417 г.), в которых московский государь титулован “keiser Wassile Dymittrius” [16, с. 319]. По всей видимости, уже на данном этапе небольшие государства готовы были в дипломатической переписке использовать титул «царь» по отношению к представителям московской династии.

О новой идеологии власти свидетельствовала и архитектура Московского княжества. В ней воплотились идеи церковно-религиозной и династической преемственности, идея объединения русских земель и мысль о мессианском значении московской династии. В литературе отмечено немало общих черт между архитектурными памятниками Москвы и Владимира [3, с. 40; 14, с. 238; 24, с. 135]. В конце XIV – начале XV вв. был возведен ряд выдающихся храмов [15, с. 40]. Особое внимание исследователей приковывает иконостас Благовещенского собора, в деисусный чин которого вошли изображения ростовых фигур апостолов, святителей, великомучеников, преподобных (Даниил Столпник, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Дмитрий Солунский и др.), являющиеся небесными покровителями московских князей [6, с. 61–65, 68–89]. Напомним, что богословское значение Деисуса состоит в молении Христа Пантократора и Судии о пощаде и заступничестве. В «богословской вертикали» иконостаса отражена история человечества в

контексте реализации Божьего Промысла о мире, где ключевой идеей выступает мысль о спасении рода человеческого [6, с. 70]. Интерпретация деисусного чина с использованием изображений небесных покровителей московских князей, видимо, должна была подчеркнуть и церковно-религиозное, и государственно-политическое значение московских правителей, придав их власти сакральный характер.

Церковно-государственные амбиции московской династии нуждались в сакральных артефактах. Со второй половины XIV в. особой заботой московских князей стало собирание наиболее значительных христианских святынь (иконы, мощи, утварь и т.д.), до которых могла дотянуться их властная рука. В 1380 г. из Дмитриевского собора города Владимира в Москву перенесли икону Дмитрия Солунского, которую, согласно преданию, «греческие» мастера написали на «гробной доске» святого воина. Из Фессалоник на Русь икона прибыла в 1197 г. [27, стб. 422, 437]. Позднее из Дмитриевского собора в том же направлении проследовал серебряный киворий (выкован в середине XI в.), который, вероятно, являлся хранилищем фрагментов ризы христианского великомученика [34, с. 220; 35, с. 255]. По преданию, в честь триумфа на Куликовом поле византийский император одарил князя Дмитрия Ивановича иконой, на которой был изображен Дмитрий Солунский на коне. По приказу князя Василия Дмитриевича икону великомученика дополнили окладом, который был украшен изображением святых Иоанна Златоуста и Василия Великого [25, с. 25]. По-видимому, образ святого патрона своего отца Василий I дополнил ликами небесного покровителя деда и собственного патрона, следуя принципам концепции тройного патроната [6, с. 63]. К сакрализации московской династии так же относится доставка Владимирской иконы Божией Матери в Москву по случаю ожидаемого нашествия Тамерлана. В этом же контексте следует рассматривать и рельеф воина-змееборца, изображенного на Спасском соборе Спассо-Андроникова монастыря в Москве (построен в 1410–1427 гг. [3, с. 9–11]). Согласно мнению ученых, образ змееборца стал соотноситься современниками с князем Василием I в связи с чудесным избавлением Московского княжества от разорения войсками Тамерлана [11, с. 186–187; 20, с. 217].

С конца XIV в. для московской династии Дмитриевский собор города Владимира стал предметом особого почитания [18, с. 13–14]. Вместе с тем Владимирскую Рождественскую обитель своим вниманием почтила супруга князя Дмитрия Ивановича княгиня Евдокия Дмитриевна с княжичем Василием. Близкие родственники великого князя сделали вклад на помин души, о чем сохранилась соответствующая запись во вкладной книге монастыря [36, стб. 342].

Заключение. Исследовательские принципы, предложенные Ю.Л. Бессмертным и М.А. Бойцовым, во-первых, позволяют существенно уточнить время, обстоятельства и последовательность возникновения тех или иных религиозно-политических тем в идеологии власти; во-вторых, дают возможность определить образы, формы и механизмы презентации данных тем; в-третьих, помогают исследователю выявить более широкий круг субъектов, на которых призваны были оказать воздействие новые идеологические конструкции. Опираясь

на данный подход, можно утверждать, что из ключевых тем древнерусской идеологии власти («перемещение» религиозно-политических столиц) первой в источниках нашла отражение тема «Москва – Новый Иерусалим», затем «Москва – Новый Константинополь» и, наконец, «Москва – Третий Рим». Важно отметить, что тема «Москва – Новый Константинополь» была тесно связана с темой «Москва – Новый Киев». Более того, первая тема имплицитно присутствовала в последней: средневековому книжнику было одинаково важно обосновать статус Москвы в качестве «Нового Константинополя» и объяснить, как и почему столица древнерусской государственности переместилась из Киева во Владимир и далее в Москву. Киев, так же, как и столицы южнославянских царств, ориентировался на идеологию «Нового Константинополя».

Перечисленные темы были связаны с идеей организации централизованной, суверенной державы, введения и фундирования монархического принципа управления страной, учреждения автокефалии Церкви под опекой династии московских князей. Новые представления о власти московских государей основывались на нескольких базовых тезисах:

– между Киевом и Москвой существует династическая и политическая преемственность;

– суверенитет и религиозно-политический статус московских государей выражен в титулах «самодержец» и «царь»;

– московской династии принадлежит общерусское значение, которое закреплено в титулярном элементе «всея Руси»;

– с московской династией связаны мессианские и эсхатологические ожидания.

Опираясь на подход Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова, мы смогли установить, какие образы, формы и механизмы были использованы для закрепления в сознании современников новых представлений о прерогативах власти московских «самовластцев». Религиозно-политические представления выражались с помощью символики библейских сюжетов, образов отеческого предания, широкого использования примеров древнерусской и всемирной истории. Литературные произведения, памятники церковно-религиозной письменности и дипломатической практики, богослужебные одежды митрополита и многочисленные памятники церковного искусства стали теми формами, посредством которых происходило продвижение новых религиозно-политических идей. Идеология была ориентирована на широкие слои древнерусского населения, русскую и зарубежную аристократию, глав государств и княжеств.

Вне всяких сомнений, репрезентация образа богоустановленной династии и великой державы усилила позиции Московского княжества в борьбе с оппонентами. Идеологам удалось сформулировать новые для тех политических реалий принципы легитимности власти и подчинения, обосновать церковно-государственную политику московских правителей, заложить идейный фундамент для наращивания политической мощи Московского княжества.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1841. Т. I. 607 с.

2. Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.

3. Архитектурные памятники Москвы XV–XVII вв. М.: Изд-во Акад. Архитектуры СССР, 1947. 100 с.

4. Барков А.Г. «Малый саккос митрополита Фотия» из собрания Музеев Московского Кремля. Проблемы стиля и датировки // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: [сб. ст.]. М.: Северный Паломник, 2009. С. 348–375.

5. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1995. М.: Наука, 1995. С. 4–19.

6. Бетин Л.В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. / отв. ред. О. И. Подобедова. М.: Наука, 1970. С. 57–73.

7. Бетин Л.В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. / отв. ред. О. И. Подобедова. М.: Наука, 1970. С. 41–57.

8. Бойцов М.А. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начала XVI в.: автореф. дис. ... док. истор. наук. М.: Цифровичок, 2010. 44 с.

9. Бойцов М.А. Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV–XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1995. М.: Наука, 1995. С. 37-67.

10. Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–37.

11. Вагнер Г.К. От символа к реальности: развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.: Искусство, 1980. 267 с.

12. Бойцов М. А., Успенский Ф. Б. Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.

13. Адрианова-Перетц В.П. Воинские повести Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 359 с.

14. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. II. 560 с.

15. Гончарова А., Зонова А., Хамцов А. Древние соборы Кремля. М.: Московский рабочий, 1960. 99 с.

16. Валка С.Н. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

17. Хачатурян Н.А. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып.1. М.; СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

18. Косаткин В.В. Дмитриевский собор в губ. гор. Владимире. Владимир: Владим. учен. архив. комис., 1914. 39 с.

19. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подготовка к печати Л.В. Черепнин. Под ред. С.В. Бахрушина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.

20. История русского искусства / под общ. ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. 748 с.

21. Хачатурян Н.А. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М.: Наука, 2004. 540 с.

22. Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. СПб.: Тип. Р. Голике, 1883. Т. II. Изд. 4. 674 с.

23. Назаревский В.В. Из истории Москвы 1147–1913. Иллюстрированные очерки. М.: Сварог, 1996. 470 с.

24. Очерки истории СССР / отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. Ч. 2. 812 с.

25. Писарская Л.В. Памятники византийского искусства V–XV веков в Государственной Оружейной палате. Л.; М.: Советский художник, 1964. 104 с.

26. Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. 536 с.

27. Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. I. Вып. 2. Стб. 289–488.

28. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1913. Т. XVIII. 321 с.

29. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. VI. 358 с.

30. Прохоров Г.М. Фотий, митрополит Киевский и всея Руси // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 475–484.

31. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1880. Т. VI. Ч. I. Изд. 2. IV с., 1336 стб.

32. Хачатурян Н.А. Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006. 484 с.

33. Лихачев Д.С. Сказания и повести о куликовской битве. Л.: Наука, 1982. 424 с.

34. Смирнова Э.С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 220–254.

35. Стерлигова И.А. Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 255–273.

36. Тихонравов К.Н. Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Известия Императорского Археологического общества. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1863. Т. IV. Стб. 338–369.

37. Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. XXXIV. 413 с.

38. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с.

References

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei (1841). St. Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gos. bumag, (I), 607. (In Russian).

2. Alekseev, A.I. (2002). Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian).

3. Arkhitekturnye pamyatniki Moskvy XV–XVII vv (1947). Moscow. (In Russian).

4. Barkov, A.G. (2009). "Malyi sakkos mitropolita Fotiya" iz sobraniya Muzeev Moskovskogo Kremlya. Problemy stilya i datirovki. Moskovskii Kreml' XIV stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: Pamyati Svyateishego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II: [sb. st.]. Moscow, Severnyi Palomnik, 348–375. (In Russian).

5. Bessmertnyi, Yu.L. (1995). Nekotorye soobrazheniya ob izuchenii fenomena vlasti i o kontseptsiyakh postmodernizma i mikroistorii. In Odissei. Chelovek v istorii, Moscow, Nauka, 4-19. (In Russian).

6. Betin, L.V. (1970). Istoricheskie osnovy drevnerusskogo vysokogo ikonostasa. In Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Moskvy i prilezhashchikh k nei knyazhestv XIV–XVI vv, Moscow, Nauka, 57–73. (In Russian).

7. Betin, L.V. (1970). Ob arkhitekturnoi kompozitsii drevnerusskikh vysokikh ikonostasov. In Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Moskvy i prilezhashchikh k nei knyazhestv XIV–XVI vv, Moscow, Nauka, 41–57. (In Russian).

8. Boitsov, M.A. (2010). Politicheskii tseremonial v Svyashchennoi Rimskoi imperii XIV – nachala XVI v.: avtoref. dis. ... dok. istor. nauk. Moscow, Tsifrovichok. (In Russian).

9. Boitsov, M.A. (1995). Skromnoe obayanie vlasti (K obliku germanskikh gosudarei XIV–XV vv.). In Odissei. Chelovek v istorii. Moscow, Nauka, 37–67. (In Russian).

10. Boitsov, M.A. (2010). Chto takoe potestarnaya imagologiya? In Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii, St. Petersburg, Aleteiya, 5–37. (In Russian).

11. Vagner, G.K. (1980). Ot simvola k real'nosti: razvitie plasticheskogo obraza v russkom iskusstve XIV-XV vekov. Moscow, Iskusstvo. (In Russian).

12. Boitsov, M.A., & Uspenskii, F.B. (2010). Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii. St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian).

13. Adrianova-Peretts, V.P. (1949). Voinskie povesti Drevnei Rusi. Moscow, Leningrad. (In Russian).

14. Voronin, N.N. (1962). Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov: v 2 t. Moscow. II.

15. Goncharova, A., Zonova, A., & Khamtsov, A. (1960). Drevnie sobory Kremlya. Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russian).

16. Valka, S.N. (1949). Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. Moscow, Leningrad. (In Russian).

17. Khachaturyan, N.A. (2001). Dvor monarkha v srednevekovoi Evrope: yavlenie, model', sreda. 1. Moscow, St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian).

18. Kosatkin, V.V. (1914). Dmitrievskii sobor v gub. gor. Vladimire. Vladimir. (In Russian).

19. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. (1950). Moscow, Leningrad. (In Russian).

20. Istoriya russkogo iskusstva (1955). Moscow, III. (In Russian).

21. Khachaturyan, N.A. (2004). Korolevskii dvor v politicheskoi kul'ture srednevekovoi Evropy. Moscow, Nauka. (In Russian).

22. Makarii (Bulgakov), mitr. Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie (1883). St. Petersburg, II. (In Russian).

23. Nazarevskii, V.V. (1996). Iz istorii Moskvy 1147–1913. Illyustrirovannye ocherki. Moscow, Svarog. (In Russian).

24. Ocherki istorii SSSR (1953). Moscow, III(2). (In Russian).

25. Pisarskaya, L.V. (1964). Pamyatniki vizantiiskogo iskusstva V–XV vekov v Gosudarstvennoi Oruzheinoi palate. Leningrad, Moscow, Sovetskii khudozhnik. (In Russian).

26. Polnoe sobranie russkikh letopisei (1925). Leningrad, IV(1), 2. (In Russian).

27. Polnoe sobranie russkikh letopisei (1927). Leningrad, I(2), 289–488. (In Russian).

28. Polnoe sobranie russkikh letopisei (1913). St. Petersburg, XVIII. (In Russian).

29. Polnoe sobranie russkikh letopisei (1853). St. Petersburg, VI. (In Russian).

30. Prokhorov, G.M. (1989). Fotii, mitropolit Kievskii i vseya Rusi. In Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Leningrad, Nauka, 2(2), 475–484. (In Russian).

31. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei (1880). St. Petersburg, VI(I), 1336. (In Russian).

32. Khachaturyan, H.A. (2006). Svyashchennoe telo korolya: Ritualy i mifologiya vlasti. Moscow. (In Russian).

33. Likhachev, D.S. (1982). Skazaniya i povesti o kulikovskoi bitve. Leningrad. (In Russian).

34. Smirnova, E.S. (1997). Khramovaya ikona Dmitrievskogo sobora. Svyatost' solunskoi baziliki vo vladimirskom khrame. In Dmitrievskii sobor vo Vladimire: k 800-letiyu sozdaniya, Moscow, 220–254. (In Russian).

35. Sterligova, I.A. (1997). Vizantiiskii moshchevik Dimitriya Solunskogo iz Moskovskogo Kremlya i ego sud'ba v Drevnei Rusi. In Dmitrievskii sobor vo Vladimire: k 800-letiyu sozdaniya, Moscow, 255–273. (In Russian).

36. Tikhonravov, K.N. (1863). Vkladnaya kniga Vladimirskogo Rozhdestvenskogo monastyrya. In Izvestiya Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva, St. Petersburg, IV, 338–369. (In Russian).

37. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (1979). Leningrad, XXXIV. (In Russian).

38. Khachaturyan, N.A. (2008). Vlast' i obshchestvo v Zapadnoi Evrope v Srednie. Moscow. (In Russian).

Шевченко М.Н. О формировании феномена власти Московской династии сквозь призму исторической антропологии (конец XIV – первая половина XV вв.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 47-60. https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/05

Shevchenko, M.N. (2021). On the Formation of the Phenomenon of the Power of the Moscow Dynasty Through the Prism of Historical Anthropology (late 14th – first Half of the 15th Centuries). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 47-60. (In Russian). https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/05

дата поступления: 18.03.2021 дата принятия: 12.06.2021